

Ирина ВИБЕ
(Санкт-Петербург, Россия)

**Судебные дела
о смене веры для изучения
этноконфессиональной политики
самодержавия в Западном крае
(1830–1855 гг.)***

В 1830–1855 гг. значительно возросла такая разновидность судебных материалов как *судебные дела о смене веры*. Дела, пользуясь терминологией того времени, об «отступничестве» из православия в католичество, представляются чрезвычайно важными для изучения взаимоотношений между центром и регионами Российской империи. Они играют важную роль в восполнении источниковой базы по изучению николаевской эпохи, признаваемой историками скудно оснащенной источниками в особенности по конфессиональной политике. Об этой разновидности судебных дел мало что известно и они не были объектом специального изучения. Документы из судебных дел о смене веры не были опубликованы и широко не использовались в исследованиях¹.

* Статья выполнена при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (Германия), специальная программа для историков Беларуси, Молдовы, России и Украины, грант AZ 10/SR/06.

¹ Для XIX в. характерным было цензурное «табу» на эту тему. Доступ к архивам с такими документами получали с высочайшего разрешения единицы из российских чиновников. В николаевское время часть материалов изучал чиновник особых поручений Д.А. Толстой, но использовал лишь общие формулировки о пропаганде католицизма в России и включил их в свою известную антикатолическую книгу [Толстой Д.А. Римский католицизм в России. СПб., 1876]. Ряд судебных процессов, крупнейших и скандальных в 1830–1850 гг. (дело крестьян деревни Порозово Гродненской губернии), кратко пересказал преподаватель гродненской гимназии Е.Ф. Орловский, со значительными пропусками и согласуясь с официальным подходом к таким делам. [Орловский Е.Ф. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в

Данные дела приобрели высокий государственный статус в связи с политическими событиями того времени. Польское восстание 1830–1831 гг. стало грандиозным потрясением существовавших отношений между центром и западным регионом. В российских чиновных кругах с католичеством, как польской верой, связывали в это время нелояльность к Российской империи и революционный дух. Имперская администрация пыталась укрепить здесь свое положение и хотела создать лояльное большинство среди местного населения, обратив в православие огромное число крестьян-униатов, с ними и католиков. В это же время в борьбе с католичеством, по замыслу властей, важным было сохранить законность правительственных мер. Поэтому все спорные вопросы в отношении вероисповедания каждого из жителей были перенесены в суд.

Обычно делопроизводители XIX века присваивали таким делам стандартный заголовок – «Дело о соращении <отступничестве> <имярек> из православия в католичество». Эти дела представляют собой комплекс документов, отразивших судебно-следственный процесс от его зарождения, с момента подачи донесения об «отступнике», и до его окончательного результата, с оставлением случая без последствий или определением наказания. Они включают переписку высокопоставленных чиновников, губернаторов, епархиальных православных архиереев, а также допросные речи подсудимых, показания их родных, близких и соседей. В архивах России, Украины и Белоруссии выявлено более 300 таких судебно-следственных дел 1830–1855 гг.

Дела сохранились неравномерно за разные годы и по разным ведомствам. В фондах высших и центральных учреждений находится более

XIX столетии. 1794–1900 гг. Гродно, 1903]. Церковным историком прот. Г.И. Шавельским из белорусских архивов впервые было привлечено множество документов. Это позволило восполнить также ряд утраченных со временем дел, хотя они изложены в пересказе. [Шавельский Г.И. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910]. В новейшей работе историк Л.Е. Горизонтов опубликовал несколько текстов из следственных дел 1850-1860-х гг. [Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX–нач. XX в.). М., 1999]. Белорусская исследовательница Е.Н. Филатова использовала выписки из судебных приговоров. [Филатова Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг. Минск, 2006].

100 дел, основная часть которых сосредоточена в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф.821). Наибольшее количество дел сохранилось за период с 1842 г. по 1855 г., с 1839 г. по 1842 г. – только отдельные дела. Хотя отсутствуют дела за 1830–1839 гг., информацию о данном периоде частично можно реконструировать на основании материалов позднейших дел, в которых делопроизводители департамента обращались к сюжетам прошлого времени. Департамент являлся основным звеном между губернской и высшей администрацией. Здесь происходила подготовка материалов к рассмотрению их сначала директором Департамента, затем министром внутренних дел, при необходимости и обер-прокурором Святейшего Синода, а также к слушаниям в высших комиссиях и представлению на окончательную резолюцию императору.

Эти учреждения являлись высшей инстанцией для такого вида дел. Поступавшее сюда из губернии дело включало в себя выписку из следственных материалов с кратким изложением обстоятельств возникновения дела, результатов следствия и постановления суда, а также выводы губернатора. Чиновники высокого ранга проверяли соответствие вынесенных приговоров существующим законам. Выписку готовили канцеляристы Департамента духовных дел. В случае нарушения процедурной части дела, они обращались в губернию и запрашивали дополнительные документы по делу. Если требовалось, то губернатор передавал в Департамент для временного пользования подлинное судебное-следственное дело. Учитывая информацию из разных источников, канцеляристы составляли общий документ для директора Департамента. Между тем различные документы показывают, что при разборе громких и конфликтных дел деятельность высших сановников выходила за рамки формализованного законом порядка. В самых трудных случаях, а сюда поступали преимущественно такие, заводилась переписка с другими ведомствами, с обер-прокурором Синода, главой III-его Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, реже с министром финансов. Целью переписки было собрать как можно больше информации о деле, возможно проходившем и по другим учреждениям. Попутно выяснялось мнение ведущих сановников по конкретным ситуациям и, сообразуясь с бюрократическим порядком, от них Департамент духовных дел получал согласие на дальнейшие меры в отношении осужденных за переход в католичество. Коллегиально составленное заключение, подписанное директором Департамента и утвержденное министром внутренних дел, поступало в Сенат, а с

1839 г. в Секретный Комитет по делам о раскольниках и отступниках от православия, и затем на рассмотрение Николая I. До самого момента подтверждения императором приговора еще была возможность юридических маневров для определенных дел. При решении конфликтов сановники учитывали политическую обстановку в определенной губернии Западного края и соотносили принятые решения с конкретными конфликтными ситуациями. Отдельные прецеденты давали основание для разработки новых статей религиозного законодательства.

Важнейшие судебно-следственные дела сосредоточены в фондах губернских канцелярий. Они представляют собой комплекс документов, характеризующих развитие судебно-следственного процесса на губернском уровне, с момента подачи донесения об «отступнике» и до его окончательного результата в канцелярии губернатора. Выявлено 158 таких дел за 1830–1855 гг. (НИАБ. Ф.1297; ЦГИАК Украины. Ф.442). Достоинством этих источников является то, что они отчасти помогают восполнить лакуны в корпусе документов высших учреждений за 1830–1839 гг. Именно эти дела позволяют выяснить обстоятельства, которыми руководствовался губернатор при подаче результирующих материалов в Департамент духовных дел и которые повлияли на его заключение по делу.

Особо важными в этих материалах являются отношения, предложения, мнения губернского начальника в Департамент духовных дел. Они позволяют выяснить соотношение принимаемых решений с правительственной политикой. Для понимания механизмов реализации вероисповедной политики в Западном крае большое значение имеют распоряжения, предписания и запросы губернатора в местные судебные учреждения. Они содержат указания судам о необходимости ускорить рассмотрение дела, предоставить дополнительные сведения о новых обстоятельствах и отчет о деле, а также информацию об исполнительной части на текущий момент. Здесь губернатор предстает как ключевая фигура, координирующая и ускоряющая ход судебных дел об «отступниках». Важнейшей составной частью дел является переписка губернаторов и епархиальных православных архиереев, как правило, осуществляемая вне рамок служебного этикета и официального делопроизводства. Она дает представление о роли светской и церковной властей в миссионерской кампании и в судебной практике по таким делам. Рутинная местная делопроизводства позволила выявить мельчайшие подробности и нюансы взаимоотношений губернской власти с населением в ходе религиозных судебных процессов.

Данные документы дополняются делами духовных православных консисторий. Они представляют собой комплекс документов по той части судебного-следственного процесса, которая касалась церковного ведомства, и зачастую вообще начинались с этой инстанции – с донесения рядового священника о замеченном им факте «отступничества» в своем приходе. Эти дела содержат протоколы церковного суда с указанием информации об «отступниках» и вынесенным по этому делу решением. Также примечательны сопроводительные документы с комментариями православных архиереев. Важным является то, какие факты и обстоятельства рассматривались архиепископом как необходимые для дальнейшего развития дела. Он имел возможность остановить донесение на уровне церковного суда или же обратиться с иском в гражданский уголовный суд. В ЦГИАК Украины (Ф.127) найдено 88 церковных дел об «отступничестве» из православия в католичество.

Одними из первых судебные процессы по религиозным обвинениям были начаты в Киевском губернаторстве и в Белоруссии. Такие дела начинались, как правило, по жалобам православных священников. Донесения священников стали поступать в канцелярии губернаторов еще на завершающем этапе польского восстания. До восстания личные обращения православного духовенства, тем более рядовых священников, к гражданским властям не практиковались. Примечательна риторика православных клириков, пытавшихся придать религиозным поступкам и высказываниям поляков не духовный, а политический смысл. С их слов, помещики не просто «бранились», когда угрожали «обрить голову и бороду», либо «вырвать бороду по волоскам», а таким способом посягали на символику и устои «господствующей» православной церкви [3, л.1 об., 2]. Помещики пока имели возможность защищать себя и использовали в таких ситуациях право обращения к губернской власти. Губернская администрация, столкнувшись с конфликтами на религиозной почве, не имела еще опыта и официальных указаний о способах их разрешения.

Ряд подобных дел в конце 1831 г. по высочайшему повелению был отдан в уездные уголовные суды. Николай I подчеркивал ту значимость, которую он отныне придавал делам православия. Губернаторы получили высочайшее указание о необходимости оказания помощи православному духовенству. Наметившийся союз церковных, гражданских и военных лиц не ускользнул от внимания польских дворян. Такое сотрудничество укрепляло их представление о том, что в отношении католиков возможны жесткие меры со стороны имперской администра-

ции, отдававшей теперь предпочтение православному духовенству в конфликтах с поляками.

Закрытие в белорусских губерниях с конца 1831 г. католических монастырей, вмешательство во внутреннюю организацию Католической церкви сопровождались появлением новой категории дел об «отступниках» среди самих католиков. Витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор Н.Н. Хованский обобщил новый подход на примерах двух дел, начатых по обвинению в переходе из православия в католичество монастырских крестьян и могилевского чиновника.

В первом случае он предложил рассматривать крепостных крестьян как православных, которых «своротили» в католичество ксендзы, и отказаться в подобных случаях вообще от судебной практики. Положение Католической церкви и отношение российской власти к ней, официально высказанное еще в ходе польского восстания, давали повод к решительным мерам в отношении бывшей монастырской собственности Католической церкви.

Во втором случае рассматривалось дело об «отпадении» из православия в католичество губернского чиновника. В ноябре 1831 г., спустя почти месяц после подавления восстания, Хованский передал в Петербург материалы по делу коллежского асессора И.Я. Бурачка, советника Могилевской казенной палаты, осужденного еще в 1829 г. за «отступничество» из православия в католичество. Губернатор предложил снова пересмотреть обстоятельства судебного процесса двухлетней давности. Для высшего руководства была подготовлена выписка о начале дела, о его движении в местных учреждениях, включая суждения о поступке Бурачка самых высоких чиновников белорусских губерний. Детальные описания и порой неумело используемая губернаторами религиозная терминология, попытки обстоятельно подобрать аргументы своей позиции, а также деятельное участие вопреки традиционной практике губернатора, говорят об особой значимости этого случая для губернской администрации. В новых политических обстоятельствах смена веры чиновником стала представлять государственный интерес, а его поступок оценивался как проявление политической «неблагонадежности». Хованский обратился с подобным заключением в Департамент духовных дел и предложил на примере этого конкретного случая сформулировать общий подход к таким ситуациям для администрации Западного края. Материалы дела позволили увидеть развитие политического процесса из рядового, казалось бы, случая.

В апреле 1829 г. Хованскому сообщили о смене православной веры могилевским чиновником Бурачком. Вскоре генерал-губернатор обратился к могилевскому губернатору Г.С. Лошкареву для проверки поступившего донесения:

«Милостивый государь, Григорий Сергеевич! Дошло до моего сведения, что советник Могилевской казенной палаты коллежский ассessor Бурачек, по рождению своему, быв веры греко-российской, впоследствии совокупился браком с женою римско-католического исповедания. До того <Бурачек> охладил к православию, что не только не посещает храма Божия, но не выполняет <православных треб>. Он темнит как-то: не бывает у исповеди и святого причастия, а ходил на богослужение в костел католический; и говорит, будто он, находясь ныне во вдовстве, имеет намерение вступить во второй брак с католичкою, и тогда уже положительно оставит православие и примет католическое исповедание...» [1, л. 1–1 об.].

Замечу, брачный союз православного прихожанина с католичкою был распространенным явлением в поликонфессиональном регионе. В таких случаях, согласно порядку, не допускался только переход в католичество супруга православной веры. Законодательная регламентация этой стороны жизни обывателей оставалась зачастую рекомендацией, и судебные дела по этому поводу возникали крайне редко. Даже с началом таких дел нужно было доказать сам факт «отпадения» православного прихожанина. В данном деле Хованский отмечал, что были и весомые доказательства виновности Бурачка, а именно, он открыто заявлял о своей католической вере и свободно посещал костел.

Автор самого донесения, скорее всего, был хорошо знаком с Бурачком; от него он слышал о перипетиях личной жизни. Генерал-губернатор понимал, что таким путем заинтересованные лица могли выяснять личные или служебные отношения с чиновником казенной палаты. Но Хованского интересовали, как видно, внешние проявления религиозной жизни могилевского чиновника. По его логике, такие действия были недопустимы в первую очередь для занимавшего государственную должность человека. И все-таки Хованский принял во внимание два обстоятельства. Во-первых, поведение Бурачка могло быть продиктовано не столько его сознательным намерением нарушить религиозные законы. Во-вторых, существовавшее до сих пор лояльное отношение власти к подобным случаям, а также отсутствие судебных

прецедентов из-за смены веры, не позволяло местным чиновникам судить о тяжести совершаемых ими несанкционированных законом религиозных переходов. Поэтому сначала генерал-губернатор поручил могилевскому губернатору проверить слухи, а с самим Бурачком провести «внушительную» беседу. Хованский просил губернатора разъяснить Бурачку, что *«таковые его действия противны советникам»*. Хованский был возмущен тем, что именно чиновник, обязанный по роду деятельности соблюдать порядок, нарушал существовавший закон. Но даже этот факт показался ему менее весомым, чем сравнение поступка Бурачка с самым тяжким церковным грехом. Генерал-губернатор перечеркнул вышеуказанные строки и поручил Лошкареву сказать Бурачку следующее: «Таковыми поступками прегрешил он пред Богом, столько же правильно будет также и по мнению во внимании начальства» [1, л. 1 об.]. Для Бурачка должна была сыграть роль крайне резкая оценка самого генерал-губернатора. Тем временем могилевский губернатор начал сбор сведений о Бурачке.

Судя по срокам выполнения поручения, этот случай представлялся в 1829 г. рядовым и не требовавшим спешного разбирательства. Лошкарев отчитался по проделанной работе Хованскому спустя почти полгода, 28 октября 1829 г. Хотя в данном случае могилевский губернатор лично провел сбор сведений. Сначала он адресовал православному епархиальному архиерею Павлу (П.А. Морев-Павлов)² вопросы о могилевском чиновнике:

«1. Ежегодно ли бывает у исповедания и причастия святых тайн советник казенной палаты Иван Бурачек? 2. Ежели ежегодно не бывает, то когда был в последний раз. 3. Ежели несколько лет не был, то с которого именно года перестал он выполнять сии обязанности и неизвестны ли причины неисполнения им оной?» [1, л.2].

Архиепископ Павел обратился в церковный приход, к которому относился Бурачек, и получил выписку из исповедных книг. Согласно этой ведомости, вплоть до 1829 г. Бурачек был указан как образцовый прихожанин Успенской церкви. Лошкарев не довольствовался этим ответом. Губернатор знал, что приходские священники могли формально

² Павел (Петр Алексеевич Морев-Павлов) (1779–1831) – епископ Могилевский и Витебский с 1827 г. по 1831 г. *См. о нем:* Павел, архиепископ Тобольский и Сибирский // Мануил (Лемешевский). Русские православные архиереи: 992–1892. М., 2003. Т. II (Иоанн – Симеон II). с.428.

підходить к внесению сведений в исповедные книги. Весомым аргументом для него оставались распространенные о Бурачке слухи.

Поэтому он вызвал епархиального архиерея в свою губернскую канцелярию. Вероятно, в этом разговоре Лошкарев упомянул вышеуказанные слова белорусского генерал-губернатора и отмечал изменявшееся к подобным случаям отношение высшего начальника белорусских губерний. По-крайней мере, после этого разговора архиерей Павел лично встретился с настоятелем Успенской церкви Козелецким, признания которого по-новому осветили обстоятельства. Священник сообщил, что «в 1829 году Бурачек у святого причастия не был, а что показал Бурачка за 1828 год в росписях бывшем у сих таинств, то учинил по оплошности» [1, л.3 об.]. Оправдываясь, Козелецкий сообщал, что совсем недавно был назначен в этот приход. А далее, он вызвался дать письменное свидетельство, в котором подтвердил слухи о Бурачке и посещение тем костела. Бурачек сознался в принятии католичества, но отказался вернуться в православие. Собранные документы Лошкарев отдал для дальнейшего расследования в уголовный уездный суд; коллежский ассесор по распоряжению губернского правления был отстранен от занимаемой должности в Могилевской казенной палате. На этом в декабре 1829 г. губернские начальники потеряли интерес к делу Бурачка.

Новое развитие дела было связано с началом польского восстания в 1830 г. Под полицейский надзор были взяты не только сочувствующие повстанцам дворяне, но и польские чиновники из губернской администрации. Вероятно, существовала секретная инструкция высшего руководства, согласно которой для выявления «неблагонадежных» лиц среди чиновников Западных губерний российская власть применяла вероисповедный признак. Для этих целей, например, в центральной России сразу было отдано распоряжение о составлении списков по столичным чиновникам, являвшимся католиками по вере. В категорию «нелояльных» подданных попал и опальный Бурачек. Хованский вновь вернулся к его делу и распорядился, чтобы могилевское начальство взяло его «под контроль, без промедления и быстро». Из Могилева спешно сообщали о местонахождении Бурачка, проживавшего по тому же адресу и по-прежнему находящегося без службы. Для отчетности об исполнении решения могилевского уголовного суда, – осужденному вменялось изучать православные догматы в Могилевской православной духовной консистории, – генерал-губернатору передавался рапорт епархиального архиерея Павла. По его словам, Бурачек не раскаялся в своем

«отпадении» и, более того, по-прежнему остался «убежден в превосходстве римско-католической религии пред господствующею <верою>» [1, л. 10]. К этим документам приложили копию с высочайшего прошения, поданного Бурачком после вынесения ему судебного приговора в 1830 г. Он объяснял обстоятельства своего перехода в католичество и ожидал монаршего дозволения на просьбу оставаться католиком. Именно этот документ послужил Хованскому отправным материалом для обоснования политических мотивов смены веры Бурачком, о чем он сообщал в Министерство внутренних дел в ноябре 1831 г. Для понимания технологии зарождения политического обвинения и интерпретации одних и тех же фактов приведу отрывки из двух документов. Из прошения Бурачка на высочайшее имя 1830 г. выясняется:

«...От младенчества своего воспитывался в училище иезуитского ордена, имел случай бывать в римско-католических служениях и проповедях, при том читая духовные книги, познал совершенно обряды и догматы сего вероисповедания и от давнего уже времени, побуждаем был гласом совести к принятию римско-католической веры, и, наконец, не в силах будучи сопротивляться далее, внутреннему сего побуждению, принял римско-католическую веру, в мае месяце 1826 года... В принятии никто не способствовал. ...Наперед сего были также по здешней белостокской области случаи, что из греко-российского исповедания переходили в римско-католическую веру; когда дела представлены были на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение, то его императорское величество всемилостивейшее повелеть соизволил, оставить таковых людей без преследования, и дела сии считать оконченными, о чем и последовали указы из Правительствующего Сената в сие правление от 8 августа 1829 года» [1, л. 10 об., 11].

Как видно, осужденный Бурачек понимал, что переход в католичество подвергал его опасности. Поэтому он защищался, апеллируя к самому верховному «судье» Российской империи, российскому самодержцу. Среди мотивов своего поступка Бурачек отмечал и воздействие полученного в юношестве от иезуитов образования, и церковных проповедей ксендзов, и прочитанных католических книг, а в целом, признавался в сознательном принятии католической культуры. И этим он подчеркивал отсутствие политических мотивов смены веры. Бурачек пояснял, что и ко времени его перехода в мае 1826 г., фактам перехода в католичество власть не придавала политического значения. В свою

пользу он отмечал и давность своего поступка, который не мог являться следствием польских событий. Кроме того, в прежние времена не последовали виновные за «отпадение» в католичество и самим монархом допускалась смена веры.

21 ноября 1831 г. на основе этого прошения Хованский подготовил для высшего руководства следующее заключение:

«Поступок советника Бурачка в отступничестве от господствующей благочестивой веры, сугубо предосудительно для него как чиновника, *сведущего* [слово зачеркнуто.—И.В.] знающего о важности государственных и церковных постановлений и весьма соблазнителен для других и что он умышленно скрывал лица, способствовавшие его соvrращению; что представленное им в оправдание отступление своего от природной и истинной веры причина, заключающаяся, по его изъяснению, в одном побуждении совести, показывают, что он или не имеет понятия о чистой совести, когда нарушение священнейшей обязанности, от купели принятой и таинствами благочестивой веры в продолжении 40-летней жизни его на совести и душе запечатленной, сопровождаемое с нарушением и государственных постановлений, почитает прямою совестью, или что под сим предлогом скрывает он какие-либо иные *преступления* [слово зачеркнуто.—И.В.] к тому побуждения; что если понятия его совести так ложны, и самая совесть столь неблагонадежна, *что он никогда при исповеди и не открывался в своих мнениях в отношении к римско-католической вере, греко-российского исповедания священникам* [фраза дописана сверху.—И.В.] и что в 40-летнем возрасте, когда уже все мечтания и привычки детства истребительны должны, и когда должны были в нем действовать здравый рассудок, и чистая совесть и страх Божий, нежели впечатление иезуитских воспитаний, могла увлечь его к отступлению от природной, господствующей и благочестивой веры, и наконец, если по правилам совести своей мог он в новоизбранной им вере позволить себе, как он сам сознается, скрыть на исповеди перед духовным отцом отступничество свое от веры отцов своих, то после оного, по моему мнению, для такого христианина- чиновника не может же быть ничего постоянно священного, чего бы он нарушить не дерзнул; а что по сему советник Бурачек за *преступление* [слово зачеркнуто.—И.В.] отступление свое от веры отцов своих и притом господствующей, превосходство пред коею новопринятой им

веры ничем не мог доказать, не должен остаться без наказания» [1, л.19 об].

В оценке религиозного «преступления» бывшего чиновника Хованский высказывался в 1836 г. резче, чем в самом начале этого судебного процесса. Как и прежде, ключевым в его обвинении являлась принадлежность Бурачка к чиновничеству, представлявшему в западном регионе российскую власть. Исходя из этого, он возлагал повышенную ответственность на каждого исполнявшего свой служебный долг чиновника. И вместе с тем, рассуждая о нормах религиозной жизни, которые, по его словам, Бурачек сознательно нарушил, генерал-губернатор выделял основную составляющую его поступка – открытое противодействие российскому правительственному курсу. Хованский подчеркнул, что переход в католичество по внутренним мотивам, для знавшего политическую атмосферу Западного края начала 1830-х гг., и тем более для чиновника, теперь был недопустим. Бурачек предупреждался неоднократно губернскими гражданскими и церковными начальниками, но он не «образумился» и не вернулся в православие, что, по словам генерал-губернатора, тем более уже непростительно. Хованский подобным образом объяснял недоверие к лояльности чиновника и требовал для него сурового приговора от высшего руководства.

В целом, генерал-губернатор белорусских губерний выделял судебные механизмы, с помощью которых могло осуществляться давление и контроль над губернской администрацией. Впервые на конкретном примере он показал, как с помощью религиозных процессов обеспечивалась на легальной основе борьба с теми, кто сопротивлялся правительственным замыслам. Материалы этого дела являлись образцовыми для нового использования. Губернские начальники получили признание могилевского чиновника в то время, когда смена веры, как правило, не оценивалась с политической точки зрения, а отношение российской власти к таким случаям было пока лояльным. Хованский предлагал отдать эти дела на скорый и быстрый суд самих губернаторов, минуя длительные тяжбы и судебные перипетии. Данный опыт был одобрен Николаем I, и он повелел подготовить подробную выписку по делу Бурачка для обсуждения в Правительствующем Сенате. Правда, в итоге монарх не решился на такой порядок судопроизводства по всем подобным делам. Император повелел судебные приговоры по делам отступивших в католичество чиновников приводить в исполнение только после обязательной высочайшей конфирмации.

С вовлечением церковных лиц в «большую» политику имперская власть получала примеры активности православной «воинствующей» церкви. Инициатива исходила также от губернаторов. Однако император был заинтересован в том, чтобы борьба между православием и католичеством была переведена на легальную – судебную в данном случае – основу и не выглядела как самоуправство российской власти над католиками. Николай I хотел именно в судебном порядке отстаивать претензии по отношению к так называемым «отступникам» и законным путем доказывать их принадлежность православию. Единичные дела не вызывали религиозных конфликтов и возмущения поляков. Сановники не решались на масштабные мероприятия и сохраняли религиозную унификацию Западного края лишь как проект. Привычная судебная процедура не выдавала намерений российского правительства, в планы которого в дальнейшем входило обращение местных жителей в православие.

С началом в 1833 г. миссионерства православного духовенства в белорусских губерниях число судебных дел значительно возросло. Именно губернаторам принадлежала ключевая роль в судебно-следственных процессах по религиозным делам. Решения губернатора, наделенного широкими должностными полномочиями, могли быть переломными для всего дела. Он задавал тон дальнейшему характеру дел о религиозных преступлениях и мог способствовать разному их направлению. В компетенцию губернатора на этой стадии входило возможное отклонение приговора суда, а значит, освобождение подсудимого от обвинений и наказания. Ему также позволялось в отношении подсудимых лиц применять наказания, называемые «менее тяжкими» – до одного месяца ареста, до трех месяцев тюремного заключения или работа на монастырских землях (для крестьян).

Можно отметить, что имперской властью судебный механизм использовался как минимум в двух целях – для утверждения «отступника» в православной вере и для репрессивного воздействия на «упорствующих» мерам правительства. Российские чиновники заведомо и до расследований местных судей считали подсудимых православными. Губернаторы в отношении «отступников» демонстративно действовали с соблюдением законной процедуры и для так называемого «возврата» в православие использовали обычный прием бюрократических проволочек. Они возвращали следственные материалы на доследование в суды, чтобы там продолжили поиск доказательств виновности или невинности обвиняемого, а тем временем обвиняемых отправляли

на обучение догматам православной веры. Данная стратегия была типичной и сводила переписку по делу к редким губернским запросам в суды. Под нажимом губернской администрации во многих случаях такая тактика оказывалась действенной. Отрыв от хозяйственных работ и от семьи заставлял нередко крестьянина давать подписку о принятии православия, которой он сразу освобождался от уголовного суда.

Другой характер приобретало делопроизводство в случаях «упорства» подсудимых. По инициативе самого губернатора рядовое дело могло перерасти в политический процесс. Для анализа того, как выстраивалось подобное дело, обрастая новыми аргументами, а религиозным обвинениям придавалась политическая окраска, показательны материалы по делу 1833–1836 гг. предводителя полоцкого уездного дворянства Л.Е. Беликовича. Документы демонстрируют, как работала государственная «машина», как из маленького случая по обвинению в переходе в католичество нескольких крестьян селения Экиманки Витебской губернии зарождался крупный процесс против влиятельных лиц. Для этой разновидности следственных дел характерно то, что борьба с поляками осуществлялась теперь под видом защиты религиозных интересов православного населения.

Детали подобных дел являются важнейшими в выявлении технологии фабрикации процесса по религиозным делам в первой половине XIX в. Чиновники устанавливали круг возможных участников этого процесса, для чего выявлялось ближайшее окружение главного обвиняемого. К следствию привлекали людей, заранее определив уязвимые стороны в их биографии или в социальном положении. Широко использовались обвинения в нарушениях религиозного законодательства, а именно незаконной смены веры или пропаганды католичества среди православных прихожан. Вся документация, в обычных случаях составляемая в уездных судах, формировалась по этому делу в канцелярии генерал-губернатора Н.Н. Хованского. Круг осведомленных и посвященных в это дело, как и в остальных подобных случаях, был крайне узок. В него входили: генерал-губернатор, губернатор, военно-уездный начальник, губернский секретарь – со стороны гражданской власти и возглавлявший православную епархию архиерей и секретарь епархиальной консистории – со стороны церковной власти. Множество сопутствующих основной переписке документов (рапорты военно-уездных начальников, агентов, отзывы архиерея, показания частных лиц) свидетельствовало о затруднениях в формировании обвинений против польских дворян.

Данный процесс был начат по инициативе православного полоцкого архиерея Смарагда (Крыжановского), пытавшегося доказать вину крупного помещика и владельца экиманских крестьян, полоцкого уездного предводителя Л.Е. Беликовича. В это же время в соседнем Киевском губернаторстве, волынский архиепископ Иннокентий (Сельнокринов-Коровин) обвинил уездного предводителя К.П. Кноля, взявшегося ходатайствовать за насильно переведенных в православие двух помещиц-католичек. Церковные архиереи объединили свои усилия. Решающим фактором в подобных конфликтах были поддержка и расположение светской администрации. Поэтому изначально, судя по материалам, православные архиереи пытались заручиться поддержкой генерал-губернатора. В его канцелярию по этому делу передавались донесения, рапорты рядовых православных священников и полицмейстеров с показаниями свидетелей, а также выписки из постановления церковного суда. Важнейшим звеном в развитии дела был секретарь губернской канцелярии И.Ф. Глушков, ответственный за формирование документов и хранитель архивных материалов генерал-губернатора. Очевидно, он играл немалую роль в продвижении и успехе ходатайств. Через него для получения одобрительных решений действовал полоцкий архиерей. Смарагд в письмах к Глушкову допускал неформальный тон, обращаясь к секретарю и спрашивая о его здоровье. Кроме того, через секретаря он выспрашивал об обстоятельствах и делах в губернской канцелярии. Для его же личной переписки с Хованским характерен официальный язык, что является свидетельством сугубо деловых и, возможно, даже натянутых взаимоотношений. По архиерейскому донесению было начато следствие.

Местное дворянство защищало свои интересы, обращаясь к поддержке дворянского собрания и под его опекой к самому императору. Л.И. Беликович, являясь уездным предводителем дворянства, не был легко уязвим. Предводитель был главою дворянского общества, созданного для охранения прав местных дворян и организации их социальной жизни. Эту должность занимали, как правило, почитаемые люди, избираемые дворянским собранием уездного уровня, вверявшем ему попечение о малоимущих дворянах, хранение и расходы казны дворянского общества и т.д. Предводители участвовали почти во всех делах и в уездной администрации, имея возможность защищать дворян от чиновничьего произвола. Это право они активно использовали, обращаясь через губернские дворянские собрания к чиновникам губернского уровня. Их ходатайства могли дойти и до самого императора. И тем не

менее в начале данных событий обе стороны собирали друг о друге информацию, выясняли намерения. В конце 1833 г. Хованскому было донесено, что витебские дворяне написали коллективное обращение к Николаю I и оно было перехвачено почтмейстерами. Скорее всего, это повлияло на ужесточение надзора за витебским дворянами, в частности, за их лидером Беликовичем.

Для самого Беликовича были очевидны намерения губернских начальников, пытавшихся доказать его вину в религиозных преступлениях. С допросами приезжали чиновники к проживавшей в Экиманке бабушке Беликовича. Властями была дана санкция на арест его знакомой, дворянки Щегельской, которую обвинили в отступничестве из православия в католичество и признали необходимым отправить ее из Витебска для обучения догматам православной веры к полоцкому архиерею. Под надзором военного начальника А.А. Агатонова, ревнителя православия и рьяного сторонника полоцкого архиерея, велись наблюдения и сбор информации о поляке и его знакомых. Под его же контролем проводили допросы бывшим подчиненным, а точнее, секретарям уездного предводителя Беликовича. Приведу отрывок документа, важного для рассмотрения политического характера, придаваемого вероисповедным делам в то время. Это показание от 16 мая 1837 г. бывшего секретаря Лятковского, находившегося в тюрьме чуть меньше года за причастность к делу Беликовича:

«Наперед сего в прошлом 1836 году в сентябре месяце требован я был господином витебским генерал-губернатором и кавалером, для спроса по производимому исследованию о сочинении прошения от имени крестьян Себежского уезда помещика Ульяновского. В каковое время я находился вольнонаемным для письма в канцелярии господина полоцкого уездного предводителя дворянина Беликовича. А как более не находил никаких средств к содержанию себя, то тем только и снискивал себе дневное мое пропитание, где также находились католического исповедания, как он сам господин Беликович, секретарь его Сыщанко, так и прочие, которые мне известно противны были к согласности и приращению православной веры... Я тогда не предвидел никаких других возможностей к приисканию какой-либо должности или занятия, которая предоставила мне возможность к дальнейшему пропитанию. Все мои знающие меня и родственники одной мысли с выше прописанными чиновниками. Ныне же по принятии мною православного греко-российского исповедания, раскаиваясь пред

Богом в присутствии духовного отца во всех прежних моих преступлениях, познав, что обращение выше прописанных крестьян клонится к единственной пользе государственной. А потому вознамерился открыть вашему высокоблагородию всю истину в ниже следующем: 1) что я таковое прошение 1836 года в первых числах мая месяца по личной просьбе крестьян переписывал точно с сочинения и почерка руки предводителя Беликовича, но сам ли он дал <текст прошения> тем крестьянам или кто другой – того не знаю. 2) касательно же дворянки девицы Щегельской видел я часто и почти ежедневно приезжающею ее на дрожках предводителя Беликовича, которая с ним, с Беликовичем, тайно в двух, в особой комнате, имела разговоры, которые всегда видели письмоводитель Антоний Сыцяно, протоколист дворянской опеки Федор Ходаковский и служители его – предводитель Альфонс и Стефан Голубицкие. А как секретарь Сыцяно часто входил в ту комнату, где разговаривал Беликович с Щегельскою, то, вероятно, знал все, по какому делу бывала Щегельская и о чем таковой тайный между ними был разговор» [2, л.4 об.–5 об.].

Из документа видно, как губернские начальники использовали против Беликовича любую зацепку. Положение поляка могло усугубляться тем, что в его канцелярии составлялись прошения от имени крестьян и адресовались они монарху. В оценке губернских начальников эти прошения носили антиправительственный характер. Среди документов не приложен текст этого прошения. Между тем, его содержание предсказуемо: здесь были жалобы на православное духовенство, обращавшего насильно крестьян в православную веру. Для губернской власти, в свою очередь, огласка этих документов и их передача Николаю I были крайне невыгодны. Начальство старалось не выносить за пределы губернии этот конфликт. Показанием Лятковского подтверждалось авторство этих прошений за Беликовичем. Хотя его свидетельства были не вполне ясными. С одной стороны – переписываемый им текст был «точно сочинен» Беликовичем и написан его почерком, а с другой – он сообщал о причастности к этому документу еще какого-то неизвестного человека. Но по остальным личностям, о которых спрашивали на допросе, арестованный Лятковский дает четкие показания. Его свидетельства именно против этих людей продиктованы вниманием к ним самих властей. В губернской канцелярии велось отдельно следственное дело дворянки Щегельской, а имена остальных лиц упоминаются еще в других про-

цессах. Своими показаниями и признанием своей вины в написании крестьянских жалоб, а также согласием на принятие православия, Лятковский покупал право на освобождение из тюремного заключения. Он неоднократно подчеркнул, что только из-за бедности пошел на службу в канцелярию католика. А для выражения лояльности российскому правительству он использовал суждения о том, что правительственное дело обращения в православие крестьян «клонится к единственной пользе государственной», а сам он, его родные и знакомые являлись «одной мысли с выше прописанными чиновниками». Данный фрагмент показывает, что в николаевскую эпоху религиозные дела были особо значимыми для правительства.

7 декабря 1835 г. дворянским собранием витебских предводителей было составлено обращение, которое подписали 172 помещика. Дворяне приводили сведения, которые компрометировали, по их мнению, деятельность церковного и гражданского начальств, и пытались показать свое недовольство проводимой политикой. Они сообщали о незаконных обращениях католиков в православие, о закрытиях каплиц, костелов, и более того, о привлечении православными священниками самих помещиков к суду. Ссылаясь на свое положение как наиболее близкого к трону сословия, дворяне претендовали на поддержку и защиту со стороны императора. Дворяне осознавали, что миссионерство православного духовенства не могло осуществляться без покровительства самого императора, но заявлять об этом открыто – значило вмешиваться в политику правительства и обвинять самого монарха в нарушении закона. Из Петербурга последовал ответ дворянам, которым запрещалось вмешиваться в дела церковной компетенции.

Вместе с тем, конфликт между местным дворянством и православным духовенством послужил поводом к пересмотру методов проведения вероисповедной политики в Западном крае и новым административным назначениям. Верховная власть опасалась обострять отношения с дворянской знатью Западных губерний. Сама подготовка документа, объединившая многих помещиков, выявила сплоченность местного дворянства. При этом опасным для местной и центральной власти было то, что это происходило в недрах дворянских собраний, под руководством дворянской верхушки и влиятельных ее деятелей. Большую угрозу представляла идеологическая подоплека действий дворян, объяснявших свою позицию защитой веры. В данном случае они пытались отстаивать свои интересы легитимным путем, обратившись за под-

держкой к монарху. Поэтому этот путь был оценен верховной властью, относительно миролюбиво решившей эту проблему административным путем. Император пожертвовал губернскими чиновниками³. Кроме того, исход этого противостояния с дворянской элитой показал властям, что они могли с помощью судов проводить свои решения и таким путем доказывать законность претензий к новообращенным крестьянам. Эта схема действовала, а значит, это открывало путь к кардинальным переменам в религиозной жизни населения.

В целом такой вид источников как судебно-следственные дела об отступниках в католичество позволяет избежать стереотипных представлений об однозначно репрессивной политике российской власти после польского восстания в Западном крае. Эти дела показывают насколько подход властей был гибким и участь отступников решалась в зависимости от конкретной ситуации и обстоятельств конкретного дела. Для российского правительства этот регион был очень сложным и трудным. Используемые механизмы и в частности контроль религиозных переходов не имел значительных результатов, а судебная тактика не отвечала общим замыслам «православизации» Западного края.

Источники

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф.1297. – Оп.1. – Д.3863. Л.1–1 об.
2. НИАБ. – Ф.2646. – Оп.1. – Д.17. – Л.4 об.–5 об.
3. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (ЦГИАК Украины). – Ф.442. – Оп.1. – Д.924. – Л.1 об., 2.

Ирина Вибе (*Санкт-Петербург, Россия*) Судебные дела о смене веры для изучения этноконфессиональной политики самодержавия в Западном крае (1830–1855 гг.)

В статье исследуется специфика источников по этноконфессиональной политике имперской администрации в Западном крае в первой половине XIX века. Рассматривается механизм формирования судебных дел в церковных и светских учреждениях местной и центральной власти, выясняются языковые особенности и характеристики делопроизводства. Анализируется фабрикация материалов и инициирование религиозных судов об «отпадении

³ С должностей в 1836 г. были сняты белорусский генерал-губернатор Н.Н. Хованский и витебский губернатор Н.И. Шредер. В 1837 г. полоцкого архиерея Смарагда переместили в Могилевскую епархию.

Ирина ВИБЕ. Судебные дела о смене веры

из православия в католичество», отразивших политическое соперничество российской власти и местной знати Киевской губернии и Белоруссии.

Ключевые слова: Российская империя, Западный край, имперская администрация, религиозные суды, православная церковь, католичество

Ирина Вібе (Санкт-Петербург, Росія) Судові справи про зміну віри для вивчення етноконфесійної політики самодержавства в Західному краї (1830–1855 рр.)

В статті досліджується специфіка джерел з етноконфесійної політики імперської адміністрації в Західному краї в першій половині XIX ст. Розглядається механізм формування судових справ в церковних та світських установах місцевої та центральної влади, з'ясовуються мовні особливості та характеристики діловодства. Аналізується фабрикація матеріалів та ініціювання релігійних судів щодо «отпадения из православия в католичество», які ілюстрували політичне суперництво російської влади та місцевого панства Київської губернії й Білорусі.

Ключові слова: Російська імперія, Західний край, імперська адміністрація, релігійні суди, православна церква, католицтво

Irina Vibe (St. Petersburg, Russia) Documents of Trials on Conversions as Primary Sources for Studying Ethnic and Confessional Policy of the Russian Autocracy in the Western Region (1830–1855)

The article is a study in the peculiarities of the primary sources on ethnic and confessional policy of the Russian imperial administration in the Western region in the first half of the 19th century. The author analyses the mechanism of shaping the trials' files in the clerical and the secular institutions and ponders over those files rhetoric characteristics and the specifics of the recordkeeping practices. The initiation of trials on 'apostasies from Orthodoxy to Catholicism' and fabrication of their records is examined as an outcome of the rivalry between Russian administration and Kyiv province and Belorussian local nobility.

Keywords: Russian imperial policy, Western Region, imperial administration, religious trials, Orthodox Church, Catholicism